

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Компьютерный дизайн обложки *Екатерина Елькина*
В оформлении используются работы художника
Екатерины Белявской

Михалкова, Елена Ивановна.

М69 Человек из дома напротив: [роман] /Елена Михалкова. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Идеальный детектив).

ISBN 978-5-17-118981-5

Тебе некуда идти?

Выбери дом, в котором никто не живет.

У тебя нет денег?

Поселись в нем, притворившись хозяином.

Тебе недостаточно страшно?

Найди ключ от запертого подвала.

Хочешь пожалеть о том дне, когда все началось?

ОТКРОЙ ДВЕРЬ.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118981-5

© Михалкова Е., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ГЛАВА 1

Никита Сафонов

1

Я знаю, с чего все началось. Камера наезжает, камера берет крупный план: ключ в руке, замочная скважина. Темный дверной проем. Изнутри тянет холодом. Все дома, где давно никто не жил, пахнут одинаково.

Вот он, поворотный момент моей биографии: первое октября.

В этот день я нарушил закон. Две спортивные сумки и офисное кресло — с этими пожитками я переехал в коттедж. Больше у меня ничего не было.

Сильнее всего я цеплялся за кресло, хотя, видит Бог, в новом доме хватало стульев и диванов. С первого октября я стал королем, владения мои были необъятны — триста квадратных метров полезной площади! Но я перевез туда свой потертый трон, символ не совсем утерянной власти над самим собой, мое транспортное средство в светлое будущее — на четырех колесиках, из которых одно постоянно заедало. Человека, у которого есть офисное кресло, нельзя назвать совсем уж пропащим.

Сколько дней назад это случилось? Хотелось бы мне знать! Я сижу на полу в незнакомой комнате, на картонке передо мной миска с водой. Рук не чувствую: кажется, связаны. Единственное окно небрежно заклеено малярным скотчем, сверху сквозь узкую полосу пробивается свет.

За дверью кто-то ходит. Я жду, когда она распахнется, и в то же время панически этого боюсь. Кого я увижу?

Десять минут назад я пытался позвать на помощь, но сумел издать только жалкий писк: «Мама!» — как ребенок, испуганный ночным кошмаром, но знающий, что мать в соседней комнате: она придет, успокоит его и прогонит черных тварей, гнездящихся под кроватью.

Мама давно умерла. Я здесь один, перед железной миской, в которой отражается мое перекошенное лицо. Нет, все началось не первого октября. Раньше.

2

Из съемной квартиры меня выставили. На лестничной клетке, где я притулился, возник откуда-то черный кот с круглой сытой рожей и запрыгнул на подоконник. Так мы и сидели: домашний кот и бездомный я. Будущее представлялось мне заброшенным тоннелем метро, по которому я бреду, пока других пассажиров уносит в выбранном направлении поезд с кондиционером и бесплатным вай-фаем. Осторожно, двери закрываются! Следующая станция — «Начало Семейной Жизни». За ней «Ипотека» — проскочить бы ее побыстрее! — и «Карьерный Рост» (платформа справа).

А у меня ржавые рельсы и полная неизвестность впереди.

Я погладил кота. И вдруг из темноты мне навстречу выступил в ореоле слабого света Илья Евгеньевич Рытвин.

Рытвин появился в моей жизни чуть меньше года назад. Один из тех людей, которые везде и со всеми ведут себя как со старинными приятелями; эта манера заставляла меня чувствовать себя не в своей тарелке. Он переезжал во Францию, а свой дом в Подмосковье хотел сдать на длительный срок. Ему посоветовали меня — вот и вся история.

Он не назвал рекомендателя. Но я был так счастлив внезапно свалившейся работе, что не стал допытываться. Рытвин вручил мне необходимые документы и отбыл, сообщив напоследок, что не собирается меня контролировать.

Вскоре стало ясно, что радоваться нечему. Двадцать километров от кольцевой; коттеджный поселок; большой одноэтажный дом. Вокруг — ничего. Ни озер, ни леса, ни захудалой речушки: бескрайнее голое поле, а на нем жмутся друг к другу дома, как испуганные дети. Очень странное место! Впрочем, за два года я насмотрелся на странные места, которые люди выбирали себе для жизни.

Но рытвинский дом никому не подходил.

Спустя полгода я мог лишь молиться о том, чтобы пришел дурак с деньгами, которого соблазнили бы двадцатиметровая кухня, три санузла и утепленная мансарда.

Что ж! Мое желание сбылось, хоть и в несколько извращенной форме.

Здравствуйте. Меня зовут Никита Сафонов, я дурак без денег. И я тот человек, который поселился в доме Рытвина.

В чужом доме.

На двадцатиметровой кухне я заваривал «Доширак». Санузлами пользовался поочередно, назначив утренний, дневной и вечерний. Протирал влажной тряпкой единственную полюбившуюся мне вещь, реликтовое чудовище: огромный дисковый ретротелефон, на вид годов эдак двадцатых, с тяжелой трубкой, напоминавшей шланг для душа, и буквами от А до Л во внутреннем круге. В подвал не спускался до того самого дня, когда...

Но об этом позже.

Утром я пешком шел до станции. Автобус вез меня по пробкам в Москву. Я глазел на желтеющие деревья, на девушек в ярких куртках и размышлял о том, что для неудачника я не так уж плохо устроился. Какая-нибудь работенка да подвернется. Мне требуется не так уж много: перезимовать, подкопить денег и вернуться к нормальной жизни.

Последний год слился в нескончаемый день дохлого сурка. А здесь я наконец-то ожил.

Соседям я хотел представиться сторожем, однако никто не проявил ко мне интереса. Единственный, кто заглядывал в гости, — чей-то полосатый котяра, наглый и ласковый. Он готов был продать восемь жизней из девяти за быстрорастворимую лапшу, и время от времени я угощал его. В благодарность он оставлял на крыльце задушенных мышей.

Если утром ты находишь на перилах бездыханного грызуна, не торопись возмущаться. Подумай о том, что кто-то заботится о тебе.

Лишь одно беспокоило меня — человек из дома напротив.

Двухэтажный дом белел за кованой оградой, вблизи от дороги. Возвращаясь из города, краем глаза я замечал, как кто-то перемещается по первому этажу, явно следуя за мной. Силуэт возникал в одном окне, в другом, в третьем... Я чувствовал на себе внимательный взгляд. Однажды я резко обернулся, и обитатель коттеджа исчез. Он не особенно таился, но и не желал, чтобы я рассмотрел его.

Когда это повторилось на седьмой день, я свернул с дорожки, перемахнул через невысокое ограждение и позвонил в дверь. Мне показалось, внутри слышны приглушенные шаги. Но никто не открыл.

Вечером десятого октября я бессмысленно бродил по комнатам и вдруг решил спуститься в подвал. Зачем? Не могу сказать наверняка. Меня взволновала случайная встреча с давним знакомым, которого я считал умершим, а потом я заскучал и от скуки решил осмотреть свое временное пристанище.

Подвальное помещение оказалось закрыто. Я растерялся. Стоя на освещенной лестнице с бесполезным тяжелым фонарем в руке, я зачем-то постучал по двери и прислушался, словно мне могли ответить изнутри.

Для чего запирают подвал?

Долю секунды я колебался, не повернуться ли мне и не уйти, выкинув из головы железную дверь и то, что за ней скрыто. Поступи я так, моя жизнь сложилась бы иначе, и я не сидел бы сейчас на холодном полу перед миской с водой. Но любопытство пересилило. Я поднялся наверх, обыскал холл и в глубине выдвижного ящика нашел ключ.

Отперев дверь, я постоял, собираясь с духом, и толкнул ее, стараясь казаться уверенным неизвестно перед кем. Студия для съемок порнографических фильмов? Коллекция оружия? Склад героина? Труп? Я принялся. Пахло только пылью и чем-то химическим, очень знакомым. Я обругал себя идиотом, сообразив, что ни один человек в своем уме не станет сдавать дом с трупом в подвале, разве что у него на редкость специфическое чувство юмора.

Я включил свет и вошел.

3

Сказать, что я изумился, — значит ничего не сказать. Кюветы, фотоувеличитель в углу — совершенно такой, как был у меня, когда в юности я увлекался фотографией и сам печатал снимки; бутылки с реактивами, воронки и мензурки; наконец, светильник с красным фонарем... Я оказался в любительской фотолаборатории.

Но не оборудование поразило меня, а глянцевые листы, приколотые к пробковой доске над столом.

Это были репортажные снимки. Четыре снимка, сделанные не меньше десяти лет назад. Я так уверенно определяю срок, потому что с первого взгляда узнал людей, пойманных камерой.

Артем Матусевич.

Эмиль Осин.

Борька Лобан.

Люба Сенцова.

Мои сокурсники, с которыми я водил дружбу во времена студенчества!

И все они были мертвы.

Не на фотографиях, нет. Там, в черно-белой реальности, они были живы и совсем молоды. Третий курс? Четвертый? У Любки короткий ежик на голове: значит, третий. К началу учебного года она побрилась налысо, а любопытствующим и острякам заявляла, что проходит курс химиотерапии. Я бы побоялся шутить такими вещами, но Любке было начхать. Волосы у нее росли быстрее, чем трава по весне, и к концу сентября она уже пользовалась расческой, а те, кто поверил в ее выдумку, плевали ядом ей вслед.

Эмиль был сфотографирован в кафе, Матусевич — за рулем своей «Тойоты», насупившийся Борька курил возле факультета, а Сенцова переходила улицу, глядя чуть мимо фотографа. Казалось, еще немного, и насмешливый взгляд упрется в меня, рассматривающего ее спустя восемь лет после того, как нога в черном мартинсе ступила на зебру.

Никого из них не осталось в живых. Я слышал, что Любка ввязалась в пьяную драку, а Осин сломал себе шею, свалившись в неогороженную яму, оставленную строителями. Про Артема толком не знаю — кажется, сердечный приступ. Борька Лобан утонул.

И вот они здесь, передо мной, на стене подвальной комнаты, в доме, где я оказался по чистой случайности.

Этого просто не могло быть.

Я взлетел по лестнице и обежал комнаты, заглядывая под кровати и в шкафы. Кто-то был здесь, в *моем* коттедже. Кто-то распечатал и повесил фотографии моих покойных приятелей, и произошло это недавно — поверхность двух кювет была еще влажной.

РЫТВИН ответил на мой звонок почти сразу.

— Никита! Рад слышать. Неужели сдал мою халупу? Я надеялся...

— Илья Евгеньевич, — перебил я, — у кого еще есть ключи от вашего дома?

— Э-э-э... Ни у кого! Только у нас с тобой.

— Не может быть! Вспомните, пожалуйста!

Я выдумал потенциальных клиентов, которые пожелали осмотреть подвал, а там неожиданно для всех оказалась лаборатория. О снимках на пробковой доске упоминать не стал.

— Это какая-то глупость, ей-богу, — с искренней, как мне показалось, растерянностью, сказал Рытвин. — Что за лаборатория? Я не фотограф. Ник, ты не бухой ли, часом?

— У кого еще есть ключи? — настойчиво повторил я.

Однако Рытвин стоял на своем. В конце концов он, похоже, решил, что это какой-то розыгрыш, и, благодушно похохатывая, повесил трубку.

А я остался в доме с фотографиями, которым неоткуда было здесь взяться.

У меня не имелось логического объяснения происходящему. Какой-то иррациональный страх мешал вновь спуститься в подвал; я запер верхнюю дверь, за которой начиналась лестница, и в совершенном смятении вернулся в свою обжитую комнату.

Два часа спустя электричка «Москва — Владимир» увозила меня из города. Я ехал к Тане. Моя прекрасная сестра — воплощенное благоразумие, и если кто и мог рассеять этот морок, то лишь она.

Вернулся я спустя четыре дня, совершенно успокоившийся. Таня убедила меня, что это недобрый розыгрыш хозяина, который, несомненно, навел обо мне справки, прежде чем передавать ключи от своего дома, и развесил в подвале фотографии, позаимствовав их у кого-нибудь из моих бывших сокурсников. Вряд ли он догадывался, какая участь постигла моих приятелей. Странная жестокая мистификация — только и всего.

Я напомнил сестре про кюветы. Она пожалала плечами: должно быть, они были наполнены водой и за несколько месяцев высохли не полностью.

О женщина, оплот здравомыслия! О ясный практический ум! Я вошел в дом, весело насвистывая, как человек, которому сделали прививку от нелепых страхов. Отличный день! Мне даже удалось забежать на ипподром и посмотреть заезд. Бегущие лошади — невероятное зрелище. Именно то, что требовалось, чтобы окончательно прийти в норму.

Не стоило устраивать в подвале мемориал моего студенческого прошлого. Я неторопливо спустился, чтобы забрать снимки.

Распахнулась дверь, вспыхнул свет, и мне бросилось в глаза, что фотографий стало пять.

На пятом снимке был я.

Не помню, как швырял вещи в сумку. Мое первое осознанное воспоминание — тяжелый ключ, который подпрыгивает в моем кула-

ке, точно упрямое живое существо, не желающее лезть в замочную скважину.

В конце концов я просто сунул его в карман. Пусть в этот проклятый дом заходит кто хочет! У меня стучали зубы. Бежать! Бежать к сестре, в гостиницу, куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Я вцепился в сумку и кинулся к дороге, но тут за моей спиной приглушенно зазвонил телефон.

Я забыл на столе свой сотовый.

Я стоял и слушал, как он надрывается, — старый телефон с царапинами на корпусе, служивший мне верой и правдой последние пять лет, — и понимал, что без него уходить нельзя. И дело даже не в том, что мне необходимо постоянно быть на связи, нет. Просто это было как... как оставить врагу свой талисман.

Фотографии смеющейся сестры, глупое селфи в кинотеатре, номер Алисы, ее сообщения, которые я так и не стер...

Нельзя все это бросить.

Я поставил сумку на землю, быстро зашел в дом, схватил надрывающийся телефон, увидел незнакомый номер на экране, подумал: «Спамеры, мать их!» — а в следующую секунду меня ударили по голове и я провалился в темноту.

ГЛАВА 2

1

— **М**оя фамилия Порошина, по мужу, — зачем-то объяснила женщина, войдя в квартиру.

«Милая и очень испуганная» — вот было первое, что подумал Сергей Бабкин. Она извинилась, что не захватила бахилы, попыталась снять запыхавшиеся туфли, снова попросила прощения и только затем, к облегчению Сергея, на цыпочках прокралась в комнату, где ждал Макар Илюшин.

Никто не доставляет таких хлопот окружающим, как люди, отчаянно старающиеся не мешать. Бабкин заварил чай и принес в гостиную.

Она покосилась на чайник со страхом, будто ей предложили яд, а не черный рассыпной с бергамотом. Дрожащими руками достала из сумки фотографию и протянула Сергею. Он бросил взгляд на снимок, прежде чем передать его Илюшину. Молодой парень лет тридцати с приятным невыразительным лицом; худощав, сутул, под глазами круги. Офисный трудяга, должно быть.